

УДК 334.012.23

Ф.Н. Маилян**РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

Представлен сравнительный анализ основных концепций социального капитала и авторский подход к данной категории. Раскрыт характер взаимовлияния институтов человеческого и социального капитала. Особое внимание уделено определению роли социального капитала в процессе формирования и реализации человеческого капитала. Показаны особенности социального капитала в странах с переходной экономикой. Выявлены внешние отрицательные эффекты социального капитала в условиях «институционального вакуума».

Ключевые слова: социальный капитал, человеческий капитал, институциональная структура общества.

Качественное изменение роли человека в постиндустриальном обществе обусловило возросший интерес экономистов разных течений к проблеме воспроизводства человеческого капитала. Категория «человеческий капитал» довольно быстро вошла в научный оборот. Впервые этот термин был предложен в 1964 г. Гарри Беккером: он обосновал главенствующую роль качественных характеристик работника в процессе создания денежных форм дохода и неденежных выгод. Этот подход получил свое дальнейшее развитие в работах Дж. Минцера. Он аргументировал целесообразность инвестиций в человеческий капитал и построил модель, благодаря которой представилась возможность оценить положение работника на рынке труда в зависимости не только от его образовательного уровня, но и от других качественных характеристик. Исходя из того, что они (эти черты) имеют социальный характер, особый интерес представляет изучение сущности социального капитала, его роли и функции в процессе реализации человеческого капитала.

На сегодняшний день существует множество подходов к изучению социального капитала, но ни один из них не является универсальным и широко применимым. Это, конечно, обусловлено многомерностью, сложностью изучаемой категории и сложностью ее количественной оценки. О сущности, структуре и функциях социального капитала встречаются косвенные упоминания в работах А. Смита, К. Маркса, Э. Дюркгейма, К. Менгера и др. Так, К. Менгер в работе «Основания политической экономии» предлагал различать «отношения» как особое свойство экономических благ. К их числу он относил не только взаимоотношения между фирмами, монополиями, права продажи патентов, но и взаимоотношения между потребителями, фирмами, дружбу и любовь [1]. Впервые категория «социальный капитал» вошла в научный оборот в 60-х гг. XX в. в работах Линды Хенифей. Для объяснения сущности категории «социальный капитал» она использовала понятия «дружба», «симпатия» и рассматривала социальные взаимодействия в рамках семьи и общины [2].

В дальнейшем анализ социального капитала продолжился канадскими исследователями, которые изучали социологию городов, – Джон Р. Силан, Александр Р. Сим, Элизабет В. Лузли. В настоящее время можно отметить четыре основных подхода к изучению социального капитала: в рамках общины, сетевой, институциональный и синергетический подход [3].

Характеристика социального капитала общины предполагает его исследование в рамках различных клубов, ассоциаций. Исходя из этого раскрываются возможности накопления социального капитала в общине, обсуждаются положительные и отрицательные «экстерналии».

Сторонники сетевого подхода – Мария Н. Астон, К. Нассансон, М. Гранноветтер, Р. Берт, А. Портес – изучают социальный капитал фирм и общин с точки зрения горизонтальных и вертикальных связей между людьми.

Т. Скопкол, С. Нэк, П. Колие, В. Истерли, исходя из институциональных подходов, анализируют роль формальных институтов в процессе накопления социального капитала внутри группы.

Синергетический подход объединяет сетевые и институциональные концепции. Исследования, проведенные П. Эвансом, Дж. Илами, Д. Нараяном, М. Вулкомом, свидетельствуют о том, что для обеспечения экономического роста необходимо эффективное взаимодействие государства, бизнеса и населения. Согласно данной концепции государство является не только производителем общественных благ, но и может способствовать длительному союзу между различными группами и классами [3].

В изучение социального капитала большой вклад внесли П. Бурдьё и Дж. Коулман, которые раскрыли механизм накопления и воспроизводства человеческого капитала внутри семьи, группы и общества. Ввод категории «социальный капитал» в научный оборот совпал во времени с «золотой эрой» неоклассической теории и с развитием теории человеческого капитала. Восприятие категории «капитал» расширил Г. Беккер, а впоследствии «модернизировал» французский социолог П. Бурдьё. В своих работах он раскритиковал К. Маркса из-за того, что тот стремился человеческую деятельность ограничить лишь экономическим пространством и представить общество как противостояние собственников средств производства и наемных работников. Согласно П. Бурдьё, человек живет сразу в нескольких социальных пространствах – культурном, научном, экономическом и политическом. В 1972 г. П. Бурдьё в работе «Контур теории практической деятельности» предложил понятие «культурный капитал», подразумевая такие преимущества элиты общества, как эстетические ценности, способность к взаимодействию с людьми, направленность на высокие достижения в учебе, которые они передают своим детям, тем самым способствуя их социальной мобильности. Полученные умения и навыки предоставляют большие возможности для воспроизводства и дальнейшего расширения социальной мобильности младшего поколения элиты, которая в дальнейшем самовоспроизводится как элемент закрытой элитарной системы.

Позже Бурдьё расширил виды социального капитала, добавив категории «капитал академической власти», «капитал научного влияния», «капитал экономического и политического влияния». Положение человека в обществе определяется объемом и структурой накопленного им капитала, в том числе и

социального капитала. Под социальным капиталом Бурдые понимал совокупность норм, канонов, связей, которые формируются в процессе взаимодействия индивидуумов и основаны на доверии. Социальный капитал, формируя социальные сети, позволяет обменивать активы и информацию быстрее и с гораздо меньшими транзакционными издержками, чем в том случае, когда это происходит только с помощью рынка.

Дальнейшие исследования социального капитала продолжились в работах Дж. Коулмана. Коулман исходил из того, что сущность социального капитала можно выявить, опираясь на принципы рациональности и целенаправленности индивида, что позволит предопределить поведение и индивида, и социальной организации [7].

Согласно Коулману, социальный капитал также производителен, как и любая другая форма капитала. Он позволяет достичь определенных целей, которые невозможно достичь без него. Социальный капитал подобно человеческому и физическому капиталу облегчает процесс производства. Так, если в какой-либо группе существует высокий уровень доверия между ее членами, то она в состоянии обеспечить несравненно более высокий результат, чем та группа, где нет сплоченности и доверия. Коулман выявляет сущность социального капитала, исходя из анализа процесса накопления ожиданий и обязательств экономическими субъектами. Коулман различает такую важную форму социального капитала, как возможность получения информации. Информация имеет большое значение для любого вида деятельности, но ее получение требует больших затрат. Важным каналом получения информации являются социальные связи. Имеется в виду, что социальный капитал позволяет снизить издержки получения информации. Кроме этого, Коулман в вопросе формирования социального капитала придает большое значение нормам и эффективным санкциям.

«Когда существует норма, тем более эффективная, она создает мощную, хоть иногда и хрупкую форму социального капитала» [7]. Так, нормы борьбы с преступностью дают возможность не беспокоиться о своей безопасности. Негласные законы в коллективе являются важной формой социального капитала, которые направляют поведение отдельных индивидов в русло решения общих проблем. Обобщая вышеназванные подходы к изучению социального капитала, можно выделить следующие предпосылки возникновения социального капитала:

- личностные взаимоотношения между агентами, так как в процессе общения индивиды постепенно узнают характер, привычки друг друга, что облегчает взаимоотношения и способствует росту доверия;
- частота взаимодействия, когда агент уверен в том, что «контрагент» и в дальнейшем может «погасить» свои обязательства;
- наличие институциональных ограничений (нормы, неформальные механизмы принуждения).

Изучение литературы, посвященной социальному капиталу, позволяет выделить следующие его функции:

- социальный капитал на микроуровне способствует снижению транзакционных издержек, связанных с формальными механизмами координации, благодаря росту доверия между агентами;

– социальный капитал облегчает личные неформальные взаимоотношения между рыночными агентами, приобретая особое значение в реализации инновационных проектов, связанных с большим риском;

– социальный капитал способствует росту доверия между государством, бизнесом, профсоюзами и обществом, тем самым содействуя обеспечению социальной устойчивости и в конечном счете экономическому росту.

Кроме того, социальный капитал осуществляет некоторые функции, связанные с формированием и реализацией человеческого капитала. Для формулировки этих функций, на наш взгляд, целесообразно представить результаты работ за последние 10–15 лет, посвященные анализу взаимовлияния человеческого капитала, социального капитала и институтов. Большая часть работ, где изучается роль социального капитала, свидетельствует о том, что социальный капитал способствует экономическому росту. Так, С. Нэж и П. Кифер показали, что рост доверия на 1 п.п. (процентный пункт) обеспечивает экономический рост более чем на 0,5 п.п. [10]. Р. Ла Порта на основе эконометрического анализа выявил, что рост доверия на 1 п.п. способствует росту эффективности судебных решений на 0,7 п.п., а коррупция снижается на 0,3 п.п. [9]. Теоретическое описание данной взаимосвязи представил С. Дьянков, согласно ей любое общество стоит перед выбором того или иного вида организации, которая определяется кривой институциональных возможностей [8]. Институты находятся на этой кривой, и их положение зависит от накопленного социального капитала. Чем больше накопленный социальный капитал, тем предпочтительнее для общества альтернативные институциональные возможности.

С этой точки зрения особую важность приобретает взаимосвязь образования и социального капитала. Результаты многих эмпирических исследований свидетельствуют о том, что образование является важной предпосылкой социальной активности. Так, в работе Н. Найя и соавт. описано, как рост уровня образования влияет на степень вовлеченности граждан в политические процессы [11]. В основе данной концепции лежит предположение, что образование обеспечивает существенные внешние положительные экстерналии. Но поведение индивида зависит не только от уровня собственного образования, но и от уровня образования окружающих его людей, которое влияет на принятие решения об участии в общественной и политической жизни. Для эмпирической оценки влияния уровня образования на социальную активность авторы выделили «абсолютный» и «относительный» уровни образования. Первый показатель отражает уровень образования индивида, а второй – средний уровень образования окружающих его людей. Соответственно различают также внешние эффекты образования. Абсолютный эффект выражает гражданское поведение индивида в зависимости только от его образовательного уровня, а относительный эффект выражается в том случае, когда гражданское поведение зависит только от образовательного уровня окружающих индивидов. Кумулятивный эффект возникает в том случае, когда характеристики социального окружения и образовательного уровня личности взаимодополняют друг друга. Сторонники данной концепции считают, что политическая активность существенно зависит от относительного эффекта образования, тогда как познавательные способности в большинстве зависят от соб-

ственного уровня образования. В конечном счете они приходят к заключению, что высокий образовательный уровень людей способствует созданию самовоспроизводящейся атмосферы доверия, отдача от которой растет с ростом среднего образовательного уровня граждан страны.

Дж. Хелиуэл и Р. Пантэм утверждают, что кумулятивный эффект образования существует во всех сферах социального взаимодействия, включая участие в различных группировках и организациях [12]. Высокий уровень доверия, обусловленный высоким образовательным уровнем, снижает издержки принуждения к выполнению обязательств и издержки контроля.

Результаты вышеприведенных исследований свидетельствуют о положительной связи между образованием и социальным капиталом. Однако не выявлено, с помощью какого механизма осуществляется эта связь. С этой точки зрения представляет интерес теоретическая модель формирования социального капитала Э. Глейзера. Он различает индивидуальный и общественный социальный капитал. Отметим, что некоторые экономисты рассматривают социальный капитал только с точки зрения общественного блага [13].

Считаем, что социальный капитал необходимо рассматривать и на микро-, и на макроуровне с целью выявления видоизменения накопленного индивидуального социального капитала на макроуровне. Детальное изучение данной взаимосвязи позволяет выявить роль социального капитала в распределении доходов и возникновении социального неравенства. Этот подход также приводит к определению взаимосвязи между социальным капиталом и другими видами капитала. Общественный социальный капитал – это ресурс общества, который приводит к повышению уровня благосостояния. Социальный капитал имеет ценность, так как позволяет решать экономические проблемы. Так, благодаря социальному капиталу можно решить проблему неполных контрактов, а крепкие социальные связи снижают потери, связанные с проблемой «безбилетника».

Личный социальный капитал – это совокупность социальных умений (качеств), которые повышают уровень «отдачи» индивида в процессе взаимодействия с другими людьми (например, личная харизма, способность к общению и т.д.). Эти качества могут быть как врожденными, так и приобретенными. В модели Глейзера личный социальный капитал:

- растет с ростом дисконтной нормы;
- снижается с ростом мобильности индивида;
- снижается с ростом альтернативных издержек времени;
- растет с ростом отдачи от специальностей, требующих социальных навыков;
- растет при снижении нормы амортизации;
- снижается в течение жизни индивида.

По мнению Глейзера, важным фактором накопления социального капитала является образование. Процесс получения образования способствует накоплению социального капитала. Образование является не только накоплением определенного количества информации, но и усвоением правил социального взаимодействия. Социальный капитал накапливается в небольшой группе людей в процессе частого взаимодействия. Годы учебы с этой точки зрения в наибольшей степени способствуют накоплению социального капитала и

формированию ментальных моделей. Участие в социальных сетях приводит к возникновению внешних эффектов. В результате общественный социальный капитал имеет иное качественное содержание, чем сумма индивидуальных капиталов, т.е. наблюдается эффект «социального мультипликатора» [15]. По существу, образование создает значительные положительные эффекты. Но на практике возможны случаи, когда возникают отрицательные внешние эффекты социального капитала, такие как организованная преступность, мафия и т.д. Разработка теоретической модели формирования социального капитала, учитывающей положительные и отрицательные экстерналии социального капитала, способствовала бы более глубокому восприятию сущности общественной организации. Но это довольно трудная задача, связанная прежде всего со сложностью и многомерностью категории «социальный капитал». Если физический капитал создается в процессе производства, человеческий капитал – в процессе накопления знаний и опыта, то социальный капитал формируется во взаимоотношениях между людьми. Это самый неосязаемый вид капитала и самый проблематичный с точки зрения количественного измерения. Кроме того, если доход от физического капитала получает только собственник, от человеческого капитала – собственник человеческого капитала и работодатель, то доход от социального капитала на макроуровне распределяется между всеми членами общества, так как на макроуровне он является общественным благом. Как отмечает Глейзер, «путь от личного социального капитала к общественному очень сложен по причине особой важности внешних экстерналий» [15].

Теоретическую модель социального капитала как общественного блага построил П. Дасгупта. Согласно этой модели социальный капитал влияет на доходы как отдельного индивида, так и на факторную производительность всего общества [16].

Модель имеет следующий вид:

$$\Psi = A \cdot \Phi(K, H),$$

где A – индекс институциональных возможностей, который включает преобладающую систему собственности, доверие, $A \geq 0$; K – количество физического капитала; H – количество человеческого капитала.

При прочих равных условиях экономика в состоянии произвести больше товаров и услуг, если его агенты доверяют друг другу и имеют общие ценностные установки. Рост доверия в обществе способствует и росту институциональных возможностей (A), и росту человеческого капитала (H). Но в какой степени доверие отражается на этих факторах, зависит от того, в какой степени социальный капитал является общественным благом. Если экстерналии социального капитала присваиваются узким кругом людей, то улучшение отразится только на человеческом капитале отдельных индивидов. Если экстерналии распространяются на широкий круг людей и являются преимущественно общественным благом, то это отразится на индексе институциональных возможностей (A), что повысит общую факторную производительность.

К интересным выводам пришли также Д. Нараян и Л. Притчет. Анализируя статистику домашних расходов 50 деревень Танзании, они определили,

что в тех местах, где высок уровень участия людей в общественных организациях, высок также уровень дохода на единицу домашнего хозяйства [17].

Ла Порта уверен, что разница в уровнях доверия в разных странах и формирование горизонтальных связей обусловлены гораздо более фундаментальным фактором – религией. При иерархической власти религии (по автору, это католицизм, православие и ислам) соответствуют слабые горизонтальные связи и низкий уровень доверия (уровень корреляции – 0,61) [9]. Кроме того, в этих странах низкая судебная эффективность и высок уровень коррупции.

Анализ основных работ, посвященных изучению взаимосвязи образования, социального капитала и экономического роста, позволяет прийти к выводу, что индивиды делают вложения в социальный капитал, ожидая определенной компенсации. Но тем не менее связь между индивидуальным и общественным социальным капиталом остается неясной. Не выявлен также механизм видоизменения локальных (сетевых) эффектов в агрегированный эффект. В экономической литературе мало обсуждается вопрос участия социального капитала в воспроизводстве и реализации человеческого капитала. Экономисты западных стран изучают социальный капитал в основном с точки зрения положительного влияния на экономический рост, оставляя без внимания те отрицательные формы выражения социального капитала, которые способствуют росту неравенства распределения доходов, миграции и т.д. Но эти проблемы очень актуальны в странах с переходной экономикой. Особое внимание изучению данных проблем уделяют экономисты стран с транзитивной экономикой. Так, С.А. Сысоев исследовал влияние социального капитала на рост накопления человеческого капитала в работе «Институциональный аспект исследования человеческого капитала». Он обсудил механизмы взаимовлияния различных видов капитала и оценил синергетический эффект данной взаимосвязи. На основе социологических исследований он выявил, что на компетенцию индивида большое влияние оказывают самообучение и общение со специалистами данной области. Наличия только врожденных качеств недостаточно для формирования профессионала. Кроме того, рост накопления человеческого капитала способствует росту уровня «индивидуализации» и независимости. Но в то же время большинство респондентов заметили, что возможность получения высоких доходов зависит не столько от уровня человеческого капитала, сколько от вовлеченности в социальные сети.

Изучению социального капитала как фактора неравенства, посвящена работа Н.Е. Тихоновой «Социальный капитал; теория и практика. Социальный капитал как фактор неравенства». Автор категорию «социальный капитал» рассматривает как вовлеченность в семейные, дружественные, родственные и другие связи, которая обеспечивает доступность ресурсов, принадлежащих другим агентам, или более эффективное использование собственных ресурсов с их помощью. Это способствует концентрации совокупного капитала и, как следствие, росту неравенства в обществе. Социальный капитал, с точки зрения автора, является формой капитала, находящейся в распоряжении отдельных индивидов, который способен накапливаться и самовоспроизводиться, имеет ликвидность и обеспечивает рост совокупного капитала. Отметим, что Н.Е. Тихонова различает категории социального ресурса и социального капитала. Социальный ресурс – это не капитал, так как форма его ис-

пользования зависит от предоставляющего помощь, а не от принимающего. Причем данный ресурс исчерпывается в зависимости от гуманистических целей субъекта, предоставляющего помощь. Ресурс может считаться капиталом только в том случае, если существует устойчивая связь между наличием данного ресурса и ростом других форм капитала. На основе социологических опросов автор установила, что «качественный ресурс» (человеческий капитал) способствует накоплению социального капитала.

Исследование социального капитала важно и с точки зрения его роли в вопросе формирования и реализации человеческого капитала. Социальный капитал может накапливаться и на индивидуальном, и на общественном уровне. Некоторые исследователи полагают, что возможность накопления социального капитала зависит не от личности, а является скорее свойством социальной организации [13].

Считаем, что стремление к накоплению социального капитала на микроуровне исходит из духовных и социальных потребностей личности и может реализоваться и на осознанном, и на подсознательном уровне. Социальный капитал накапливается не только для реализации материального интереса, но и для удовлетворения чисто духовных потребностей. Это, конечно, относится в основном к накоплению социального капитала на микроуровне. В связи с этим интересно отметить подход Дж. Коулмана к социальному капиталу с точки зрения семьи. На уровне семьи социальный капитал отражает взаимоотношения между родителями, между родителями и детьми. Если уровень человеческого капитала родителей высок, но низок уровень социального капитала семьи, то дети не смогут использовать человеческий капитал родителей для обеспечения высокого уровня развития. То есть социальный капитал семьи обеспечивает доступность для детей человеческого капитала родителей [7]. На микроуровне социальный капитал может рассматриваться как составная часть человеческого капитала. На этом уровне на формирование и накопление социального капитала большое влияние оказывают неформальные институты.

Отметим, что социальный капитал на микроуровне рассматривается нами в целом как взаимоотношения внутри семьи и между родственниками, а также друзьями и партнерами. На макроуровне социальный капитал рассматривается как взаимоотношения между членами общества и формальными институтами, которые выражают уровень доверия общества к законодательным, исполнительным и судебным органам. На этом уровне социальный капитал является общественным благом, так как его формированию способствует государство, а пользуются все. Чем выше уровень институционального доверия в обществе, тем больше возможностей для дальнейшего общего развития.

Существует определенная взаимосвязь между накоплением социального капитала на микро- и макроуровнях. Если институты общества недееспособны, то социальный капитал на макроуровне деформируется и способствует не росту благосостояния, а росту неравенства в распределении доходов, миграции населения, коррупции, ухудшению условий воспроизводства человеческого капитала, деградации системы ценностей общества. Наличие положительных или отрицательных экстерналий социального капитала в любом обществе зависит от эффективности действующих в нем формальных институтов. В тех обществах, где низок уровень доверия населения к формальным

институтам, растет уровень накопления социального капитала на микроуровне. Социальный капитал начинает накапливаться в латентных структурах, что способствует раздроблению экономики.

Можно сказать, что чем больше разрыв между социальным капиталом на макро- и микроуровнях, тем неэффективнее институты в данном обществе. Более того, накопление социального капитала на микроуровне препятствует развитию институтов. Дело в том, что в транзитивных экономиках в условиях «институционального вакуума» широкое распространение получили такие явления, как коррупция, неплатежи, уклонение от налогов, самовоспроизводящиеся пессимистические настроения, борьба за ренту, которые в экономической литературе получили название «институциональных ловушек» [18]. Проявление и интенсивность выражения данных явлений – косвенный показатель наличия большого накопленного социального капитала на микроуровне. В данном случае агенты локальных сетей используют социальный капитал для реализации своих узких целей – во вред государственным и общественным интересам. По существу, происходит переплетение бизнеса и власти, что, в свою очередь, способствует конфиденциальности и закрытости социальных связей, основанных на разных уровнях социальной близости. Но сформированные локальные сети «бизнес – власть» более не заинтересованы в улучшении действующих институтов. Формируется «порочный круг» – слабые институты способствуют деформации социального капитала, а деформированный социальный капитал, приобретая устойчивость, приспособляясь и самовоспроизводясь, формирует устойчивые и неэффективные нормы, которые препятствуют улучшению институтов. Чем более распространяется коррупция, тем лучше начинают «работать» механизмы традиционной культуры (коммунальной, клановой) внутри социальной организации. То есть растет уровень межличностного доверия, снижая роль тех институциональных механизмов, которые обеспечивают необходимый уровень гражданского доверия между участниками рынка. Это является одной из причин низкой эффективности переходных экономик.

Деформации между различными уровнями социального капитала приводят к тому, что отрицательные экстерналии социального капитала перевешивают положительные. Создается ситуация социальной изолированности, когда отдельные индивиды или их группа частично или полностью выбывают из социальных процессов общества и практически не играют какой-либо роли в общественных процессах. Так, причинами миграции из Армении за последние два десятилетия являются как безработица и бедность, так и распыление социального капитала на макроуровне, когда люди теряют доверие не только к институтам, но и веру в будущее. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство эмигрирующих из Республики Армения (РА), имея высокий образовательный уровень, работу, накопленный социальный капитал, тем не менее принимают решение об эмиграции. Локализация социального капитала в странах с переходной экономикой, в том числе и в РА, способствует углублению неравномерного распределения доходов.

Дело в том, что социальный капитал «привилегированных групп» способствует росту карьеры членов этих групп, «устройству на работу» и т.д. То есть обостряется проблема «аутсайдер–инсайдер» на рынке труда. Это обу-

словлено тем, что господствующая роль «локального» социального капитала приводит к усилению информационной асимметрии во вред людей, находящихся вне данной сети. Наличие социального капитала делает человека конкурентоспособным на рынке труда, так как в этом случае работодатель может рассчитывать на отдачу и от человеческого, и от социального капитала работника. Кумулятивное накопление социального капитала на микроуровне, с одной стороны, способствует усилению положения монополий на рынке товаров и услуг, а с другой – усилению их положения на рынке труда, что приводит к эксплуатации наемных работников и деформации всей системы воспроизводства человеческого капитала.

Многие западные исследователи считают, что деформация социального капитала произошла в советский период. Они утверждают, что для формирования и существования социального капитала на уровне общества необходимо наличие развитой институциональной инфраструктуры, которая обеспечивает общественный порядок и участие всех членов общества в общественной жизни. В советской системе строгая регламентация общественной жизни сверху блокировала личную инициативу и развитие горизонтальных связей. По мнению Дж. Стиглица, почти все постсоциалистические республики имеют острый дефицит социального капитала, так как социализм разрушил многие виды кооперации, оставляя только самые циничные виды зловещего индивидуализма [19]. Конечно, государственная протекция в СССР сдерживала накопление социального капитала внутри группы, но она в то же время способствовала накоплению объединяющего социального капитала на уровне всего общества. Фактически это другая форма деформации социального капитала, когда его накопление на макроуровне ведет к его снижению на микроуровне. Именно это обстоятельство обострило «институциональный вакуум» в переходном периоде: когда социальный капитал на макроуровне «разрушился», общество вынуждено было его пополнять другими видами социального капитала. Как отмечает Ф. Фукуяма, истоки социального капитала лежат в основе биологической сущности человека и обусловлены мощной внутренней потребностью к восстановлению порядка [14. С. 34].

Обобщая вышесказанное, констатируем, что выход из создавшейся «социальной ловушки» может найти только государство, сформировав дееспособные институты, обеспечивающие реализацию интересов всех слоев общества. В цивилизованных странах все структуры власти свободны от влияния бизнес-групп, в переходных экономиках властные структуры становятся представителем интересов отдельных групп, хотя обязаны защищать интересы всего общества. В результате появляются серьезные диспропорции в распределении ресурсов. В связи с этим необходимо отметить, что некоторые исследователи в вопросе обеспечения экономического роста первенство отдают не эффективности институтов, а качественному человеческому капиталу. Так, Глейзер и соавт. в своих работах доказывают, что человеческий капитал является более важным фактором экономического роста, чем институты, а улучшение институтов происходит только после преодоления бедности благодаря правильной экономической политике [20].

Результаты стандартного регрессионного анализа факторов экономического роста свидетельствуют о том, что образовательный уровень населения на

экономический рост влияет в большей степени, чем институты. Авторы классифицировали страны по уровню накопленного человеческого капитала и по политическим институтам. Страны по уровню накопленного капитала разделили на три группы (низкий, средний и высокий) и по политическому режиму – на автократию, устойчивую демократию и на две промежуточные группы (несовершенная автократия и несовершенная демократия). Пересечение этих групп (по критерию человеческого капитала и политического режима) показывает, что в странах с демократическим режимом уровень человеческого капитала довольно высок, а в автократиях – низок. Комментируя полученные результаты, авторы опираются на работу известного американского политолога С. Липсета «Политический человек», где замечено, что основным эффектом от образования имеет больше политический, нежели технологический характер.

Положительные экстерналии образования снижают уровень насилия в обществе. Во время разрешения конфликтов на смену насилию приходят законодательные органы [21]. Авторы заключают, что предопределяющим фактором производственных возможностей является человеческий и социальный капитал. Институты оказывают влияние второго порядка и улучшаются по мере ростов доходов. Данное утверждение, может, и приемлемо для развитых стран, где институциональные «пути» эффективны, т.е. все члены общества действительно участвуют в политических процессах и в процессах дальнейшего усовершенствования институтов. В странах с переходной экономикой, в том числе и в РА, в предпереходный период был достигнут достаточно высокий уровень человеческого капитала, но, как показывает история, он не сыграл решающей роли в обеспечении экономического роста. Причины кроются в том, что в «институциональном вакууме» человеческий капитал просто не в состоянии обеспечить устойчивый экономический рост. Ситуация усугубляется при наличии «институциональных ловушек», когда оказавшиеся в «ловушке» люди единственный выход видят в эмиграции. Глейзер и соавт. проанализировали взаимосвязи человеческого капитала и институтов только на примере развитых стран, стран Латинской Америки, Южной Африки и Азии. По этой причине их выводы не характерны для стран с переходной экономикой. Это, конечно, не означает, что человеческий и социальный капитал не играют роли в обеспечении экономического роста. Просто каждая страна имеет свои особенности, свою траекторию развития, которая предопределяет важность и роль того или иного фактора роста в каждом конкретном историческом периоде. Для стран с переходной экономикой роль человеческого капитала несомненно важна, но для повышения эффективности использования человеческого капитала жизненно необходимо совершенствовать действующие институты.

Таким образом, социальный капитал можно рассматривать как своеобразный передатчик между человеческим капиталом и институтами, который обеспечивает видоизменение институтов и реализацию человеческого капитала.

Литература

1. Менгер К. Основания политической экономии. URL: <http://ek-lit.agava.ru>

2. *Hanifan L.I.* The Rular School. Community Center // *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 1967. P. 130–138.
3. *Woolcock M., Narayan D.* Social Capital: Implications for Development Theory // *The World Bank Research Observer.* 2000. № 15. P. 225–251.
4. *Бурдье П.* Социальное пространство и генезис классов. Социология политики. М., 1993.
5. *Бурдье П.* Социолог под вопросом. URL: <http://sociologi.narod.ru/lib/>
6. *Бурдье П.* Формы капитала // *Экономическая социология.* 2002. № 5. С. 60–75.
7. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность.* 2001. № 3. С. 121–139.
8. *Djankov S., Glaezer E., La Porta R. et al.* The New Comperative Economics // *NBER Working Paper.* 2003. № 9608.
9. *La Porta R., Lopez de Silanes F., Shleifer A., Vishny R.* Trust in Large Organizations // *American Economic Review Papers and Proceedings.* 1997. Vol. 87, № 2 P. 333–338.
10. *Knack S., Keefer P.* Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *Quarterly Journal of Economics.* 1997. Vol. 112, № 4. P. 1251–1288.
11. *Nie N.H., Junn J., Stohlik-Barry K.* Education and Democratic Citizenship in America. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
12. *Helliwell I., Puntam R.* Education and Social Capital // *Eastern Economic Journal.* 2007. Vol. 33, № 1.
13. *Ищенко И.Г.* Теоретический подход к формированию понятия «социальный капитал» // *Известия ПГПУ. общественные науки.* 2006. № 2 (6).
14. *Фукуяма Ф.* Доверие, социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ «Ермак», 2004.
15. *Glaeser Ed., Laibson D., Sacerdote B.* The Economic Approach to Social Capital // *NBER Working Paper.* 2000. № 7728.
16. *Dasgupta P.* Social and Econmic performance. Analitics // *Mimeo.* Faculty of Economics, Cambridge: University of Cambridge Press, 2002.
17. *Narayan D., Pritcheth L.* Cents and Sociability: Household income and Social Capital in RuralTazania // *Economic Development and Cultural Chance.* 1999. Vol. 47, № 4. P. 871–897.
18. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы. М.: ЦЭ-МИ РАН и РЭШ, 1999. С. 12–14.
19. *Стиглиц Дж., Эллерман Д.* Макро- и микроэкономические стратегии для России. URL: www.rusef.am.ru
20. *Глейзер Э., Ла Порта Р., Лопес-де Силанес Ф., Шлейфер А.* Являются ли институты причиной экономического роста // *Эковест.* 2006. № 5(2). С. 248–287.
21. *Lipset S.M.* Political Man: The Social Basis of Modern Politics. N.Y.: Doubbeday, 1960.